

Елена Марасинова

«Лишение чести и достоинства» в России XVIII века*

Elena Marassinova

“The Loss of Honor and Dignity” in 18th-Century Russia

Елена Марасинова (Институт российской истории РАН; ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук; доктор исторических наук) lenamarassinova@gmail.com.

Elena Marassinova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; leading researcher, Center for Russian Feudalism History; National Research University “Higher School of Economics”; professor, School of Philology, Faculty of Humanities; D.habil.) lenamarassinova@gmail.com.

Ключевые слова: смертная казнь, политическая смерть, наказание, честь, достоинство

Key words: death penalty, political death, punishment, honor, dignity

УДК: 94+343.6+343.241+343.84

UDC: 94+343.6+343.241+343.84

В России XVIII века существовала не только физическая смертная казнь, но и различные способы социального и личного уничтожения осужденного, включая шельмование, клеймение, лишение статуса, политическая казнь и т.д. В период правления Елизаветы Петровны так называемая *политическая смерть*, или *положение на плаху*, оказалась под запретом, поскольку являлась практической имитацией смертной казни, что, видимо, противоречило данному императрицей обету не приводить в исполнение этот вид наказания. При Екатерине II термин *политическая смерть* постепенно заменяется на *гражданскую казнь*, применяющуюся исключительно к представителям дворянского сословия. Но, несмотря на все нюансы применения «повреждающих честь» наказаний, им свойственно нечто общее: стремление власти к самозащите путем лишения того, что ей представляется содержанием достоинства личности.

Eighteenth-century Russia knew not only physical death sentences, but also various ways of socially and personally destroying a condemned individual, including public dishonoring, branding, loss of status, political punishment, and so forth. During the period of Elizaveta Petrovna's rule, so-called *political death*, or *being put on the block*, was forbidden insofar as it was a practical imitation of a death sentence and so evidently contradicted the Empress's promise not to enact this type of punishment. Under Catherine II the term *political death* was gradually changed to *civil execution* and applied exclusively to representatives of the nobility. But despite all the nuances of applying punishments that “injured one's honor,” they possessed a common quality: the state strove to defend itself by means of depriving what it understood to be the contents of a person's dignity.

Каждому знакомо свидетельство князя Михаила Щербатова, что, вступая на престол в 1741 году, дочь Петра I пообещала отказаться от применения смертной казни: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет» [Щербатов, Радищев 1984: 55]. Негласный мораторий на

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00461.

смертную казнь неукоснительно соблюдался на протяжении всего царствования Елизаветы Петровны, что привело к ограничению возможностей самозащиты трона, особенно в кризисный период смены придворной элиты после дворцового переворота. Это обстоятельство спровоцировало использование властью таких форм наказания, которые не приводили к физическому уничтожению противника, но демонстрировали окончательную девальвацию его статуса, обеспечивая тем самым полноту возмездия. Уже в первые годы правления императрицы актуализируются восходящие к более ранним эпохам практики *положения на плаху*, *шельмования*, театрализованной казни, в официальных документах появляется термин *политическая смерть*. Эти способы расправы с оппонентами власти направлены прежде всего на разрушение личного и социального достоинства подвергаемого экзекуции человека.

«Приговора к смертной казни не исполнять»

После восшествия на престол императрица Елизавета Петровна сдержала данное перед иконой обещание. 7 мая 1744 года появился довольно лаконичный указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение решений по делам колодников, приговоренных к смертной казни и «политической смерти». Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. Решение, само по себе беспрецедентное в истории Российской империи, сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно» [ПСЗ 1830, XII: 114 (№ 8944. 7 мая 1744)].

Между тем термин *политическая смерть* вызвал глубокое недоумение на всех уровнях власти. Елизавета потребовала от Сената вопрос проработать и представить бумагу, где бы перечислялись законы, регламентирующие ритуал политической смерти и четко фиксирующие преступления, за которые полагалось подобного рода наказание. Спустя некоторое время императрица получила ответ: «За какие вины политическая смерть и какая именно положена — точных указов не имеется» [ПСЗ 1830, XIII: 819—820 (№ 10087. 29 марта 1753)]. Правда, во избежание монаршего гнева сенаторы все же упомянули некоторые экзекуции, которые, с их точки зрения, можно было подвести под понятие «политическая смерть». Все эти казни объединялись рядом сходных обстоятельств. Во-первых, они приходились на эпоху Петра Великого, с которой, собственно, и начиналась актуально переживаемая история для многих политиков и мыслителей елизаветинского правления. Во-вторых, эти экзекуции включали несколько общих процедур: «сказание смерти», «положение на плаху» и всемиловейшее избавление от натуральной смерти. Однако перечень этот оказался далеко не полным, содержание дел и приговоров проанализировано не было, а самое главное — выбранные сенаторами примеры казней никогда *политической смертью* не именовались. А между тем обстоятельства подобных экзекуций могли бы пролить свет на историю появления понятия *политическая смерть* в русском языке и правовом сознании XVIII века.

«Положение на плаху»

Хорошо известно, что, по словам А.С. Пушкина, «начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни». В октябре 1689 года был приведен в исполнение приговор восставшим против царя стрельцам. Начальнику Стрелецкого приказа Федору Шакловитому, «забывшему страх Божий и государское крестное целование», отрубили голову, а образок Николая Чудотворца в серебряном окладе, бывший у него во время казни, передали под расписку священнику Иродиону церкви Вознесения Господня и Трех Святителей стрелецкой слободы Троице-Сергиева монастыря. Сообщников «вора и изменника» Шакловитого — Семена Рязанова, Дементия Лаврентьева и Ивана Муромцева — также решено было жестоко наказать: «...положить их на плаху и, подняв, сказать им, что великие государи пожаловали их смертью казнить не указали, а указали бить кнутом, урезать языки и сослать их в ссылку в сибирские города на вечное житье». Милосердие царя мотивировалось без лишнего пафоса — «для своего государственного многолетнего здравия» [Розыскные дела 1884—1893, 1: стлб. 265—270, 421—424; 4: стлб. 565—570; ПСЗ 1830, III: 33—36 (№ 1349. 11 октября 1689)].

Однако на этом придворные треволнения не закончились. Буквально через несколько недель последовали новые казни. В данном случае не обошлось без воровства. Пожилой боярин Андрей Ильич Безобразов, назначенный воеводой на Терек, вынужден был подчиниться высочайшей воле и, покинув Москву, отправиться в далекое и трудное путешествие. Однако во время вынужденной остановки в Нижнем Новгороде его посетила спасительная идея — снискать милостивое расположение государя и получить разрешение на возвращение в столицу путем... чародейства. Сказано — сделано: тут же отыскали волхва Дорошку, который слыл еще и коновалом, приставили к нему человека Безобразова Ивана Щербачева и снарядили в Москву. Когда Петр направлялся из Савинского похода в село Хорошево, Щербачев указал колдуну на царя, и тот принял «напускать заговорные слова дьявольски по ветру», чтобы государь был добр к воеводе Безобразову. Для пущей верности в Нижнем одновременно ворожили на костях и воде, а в Касимове татарка прибегала к своим, ей одной ведомым заклинаниям. Однако чары на Петра не подействовали, а, напротив, спровоцировали доносы и самое пристрастное расследование. Воеводе Безобразову по приговору отрубили голову, коновала Дорошку сожгли в срубе на болоте, и лишь Иван Щербачев остался жив. Ко дню казни, назначенной на 8 января 1690 года, был уже готов сценарий: перед осужденным зачитывался указ, начинающийся со слов: «Вора Андрюшки Безобразова человек Ивашка Щербачев!», затем следовали обвинения и приговор: «Казнить тебя смертью — отсечь голову»; далее, как и в любом театрализованном действии, шла ремарка — «(положить на плаху, а сняв с плахи сказать): Ивашка Щербачев! Великие государи смертью казнить тебя не указали, а указали тебе чинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать тебя в ссылку в Сибирь» [Розыскные дела 1884—1893, 1: стлб. 265—270, 421—424; 4: стлб. 565—570; ПСЗ 1830, III: 33—36 (№ 1349. 11 октября 1689)]. В данном случае счастливейшее избавление Щербачева преподносилось не как великая государева милость, а как неотвратимое и страшное наказание, мало отличающееся от натуральной смерти¹.

1 Может быть, именно поэтому современники оставили без внимания факты замены «смертной казни» ее имитацией. И.А. Желябужский записал в дневнике под 1689 го-

Через два года сходной экзекуции будет подвергнут некто расстрига Ивашка, известный более под именем старца Иосифа. Человек этот был какой-то смутный, и история, связанная с его именем, на первый взгляд не совсем понятна. Происходил он из так называемых романовских или костромских татар, отец его был Богдан Ахметов. Ивашка рано покинул родной дом, крестился, жил отшельником в им же построенной при большой костромской дороге часовне, потом постригся под именем Иосифа и много лет скитался по разным монастырям. Как-то раз на пути из Сийской обители, что под Архангельском, у города Еренска повстречался старцу человек, который якобы свел его с опальным фаворитом поверженной царевны Софьи Василием Голицыным. Голицын просил старца идти в Москву к его более удачливому двоюродному брату Борису Голицыну, приближенному Петра, и сказать буквально следующее: «Не допусти казни кузена, борись за его жизнь по крайней мере год — не долгоденствие царя, тот же год ему и остался». Именно с этой вестью в одеянии чернеца с неизвестными травами в котомке и явился старец Иосиф глухой январской ночью в дом князя Бориса Голицына. Свой фавор князь терять не собирался и от греха подальше отправил старца-провокаatora прямиком в Розыскной приказ. Попытки, очные ставки и даже специальная комиссия в Еренск, где содержался Василий Голицын, сделали свое дело — выяснилось, что расстрига Ивашка, он же старец Иосиф, просто оговорил Голицына, поскольку в свое время «князь сослал его за то, что у него дело было в Поместном приказе, как он, старец, был в Дорофееве пустыне». Неизвестные же травы в котомке оказались не зельем, а всего лишь лекарством от грыжи. Подобная неуклюжая месть, задевшая ни много ни мало «слово и дело», закончилась обычным приговором — «казнить смертью», правда, в особой интерпретации: «...положить на плаху и, сняв, сказать “Ивашка-расстрига! Великие государи положили на милость — смертью тебя казнить не велели, а указали бить кнутом нещадно и сослать в Сийский монастырь”» [Розыскные дела 1884—1893, 3: 1071—1444; ПСЗ 1830, III: 89—91 (№ 1395. 7 марта 1691); Воскобойникова 1999].

В 1700 году на эшафоте оказались вымогатели из города Венева, находящегося недалеко от Тулы. Земский староста с сообщниками вздумал торговать должностями: выборных таможенных и кабацких старост, с которых поиметь ничего не удалось, от сборов удалили, а на их место поставили более сговорчивых за 120 рублей. В результате не поздоровилось никому — «и тем, кто деньги взяли, и тем, кто деньги дали, велено <было> сказать смерть, положить на плаху и, с плахи подняв, бить кнутом и сослать в Азов с женами и с детьми на вечное житье». Казнь эта была устрашающей, поскольку впредь за «воровство и хитрость в сборах» полагалась натуральная смертная экзекуция [ПСЗ 1830, III: 671 (№ 1722. 24 ноября 1699); IV: 90—91 (№ 1819. 22 декабря 1700)]. Не прошло и двух лет, как последовало новое распоряжение: сняв с попа Петра Никитина священнический чин, «сказать ему смерть» за «научение» духовного сына лжесвидетельству, затем бить кнутом и отправить опять-таки в Азов на каторгу. Публичное наказание святого отца тоже носило назидательный ха-

дом: «В том же году пытан и казнен вор, бывший окольный Федька Шакловитый. А ведомый же вор Сенька Рязанов бит кнутом, и отрезан ему язык, и сослан в ссылку» [Желябужский 1840: 22—23]. Исследователи также не придали особого значения практике подобной экзекуции, которая несколько потеснила смертную казнь. См., например: [Белов 1884—1887].

рактер, поскольку, согласно указу, отныне всех, кто еще рискнет давать неверные показания в суде, ожидал эшафот «безо всякого милосердия и пощады» [ПСЗ 1830, IV: 185 (№ 1893. 17 января 1702)].

Между тем все перечисленные экзекуции именовались как угодно — *наказанием, казнью, положением на плаху*, но никак не *политической смертью*. По всей видимости, впервые это понятие появляется в русской правовой терминологии, явно не без западноевропейского лингвистического влияния, в громком деле знаменитого толмача Петра I, крупнейшего дипломата и вице-канцлера П.П. Шафирова. Само выражение *политическая смерть* начинает мелькать в официальных документах уже за несколько месяцев до дела Шафирова. Так, например, дворянству запрещено было укрываться от службы под страхом «натуральной или политической смерти»². Однако именно инсценированная казнь вице-канцлера стала первым громким наказанием, названным *политической смертью*.

От «казуса Шафирова» к «казусу Остермана»

Шафиров обвинялся в «упрямстве, учиненном против указов», на заседании Сената 31 октября 1722 года, когда рассматривался вопрос о почтах, находившихся под его управлением более двадцати лет. По регламенту вице-канцлер как заинтересованное лицо должен был покинуть обсуждение, о чем ему и заявил обер-прокурор Г.Г. Скорняков-Писарев, потрясая доской с наклеенным на нее текстом соответствующего указа. Вспыльчивый барон, будучи сенатором, подчиняться не стал и остался на заседании, обругав Скорнякова, приспешника своего давнего противника А.Д. Меншикова, «вором». Всемогущий временщик не остался в долгу, сцепился с Шафировым, а потом, сопровождаемый Г.И. Головкиным и Я.В. Брюсом, покинул собрание. Оставшиеся в компании барона Д.М. Голицын, Г.Ф. Долгорукий и А.А. Матвеев готовы были продолжать слушания, но тут топнул ногой оскорбленный обер-прокурор, и заседание Сената закрылось. На беду, генерал-прокурор П.И. Ягужинский отсутствовал по делам государственной важности, а сам Петр был в тяжелейшем Персидском походе. Разумеется, до императора дошли известия о скандалах и потасовках среди сенаторов, оказавшихся вне непосредственного контроля со стороны главных персон. Петра, вероятно, особенно возмутило игнорирование государственных указов, опасное «сенатское несогласие», а также осквернение «чести судебного места надменной бранью».

Сентенция по делу столь крупной политической фигуры была показательной, поэтому без тщательно продуманной театрализации здесь не обошлось. Шафирова торжественно лишили голубой ленты и шпаги и приговорили к отсечению головы, припомнив и выданное сверх нормы жалованье брату Михаилу, и растрату казенных денег во время поездки во Францию, и, как водится, «еврейскую природу»³. Казнь была назначена на 15 февраля 1723 года

2 «<Герольдмейстер> же повинен смотреть, дабы под именем малых дел <дворяне> по городам не укрывались, не маня никому, под штрафом натуральной или политической смерти» [ПСЗ 1830, VI: 497—499 (№ 3896. 5 февраля 1722)].

3 Кроме того, за Шафировым признавались и другие корыстные проступки, в частности самовольное повышение почтовых такс, ловкое присвоение себе драгоценностей

в Кремле, где напротив сенатской канцелярии специально установили эшафот⁴. Находившийся тогда в Москве голштинский дворянин Фридрих Берхгольц записал:

Около 7-ми часов утра поехал я в Кремль. Вокруг эшафота стояло бесчисленное множество народа. Когда виновного на простых саях привезли из Преображенского приказа, ему прочли его приговор и преступления. После того с него сняли парик и старую шубу и возвели на возвышенный эшафот, где он стал на колена и положил голову на плаху; но прислужники палача вытянули ему ноги, так что ему пришлось лежать на своем толстом брюхе. Затем палач поднял вверх большой топор, но ударил им возле, по плахе, — и тут Макаров от имени императора объявил, что преступнику во уважение его заслуг даруется жизнь [Берхгольц 1902—1903, 3: 28].

Смерть прошла совсем рядом с Шафировым. Оглушенный, со слезами на глазах, он с трудом сошел с эшафота, не обращая внимания на поздравительные возгласы, и, лишь когда ему пустили кровь, промолвил, что лучше уж вскрыть вены, чтобы разом покончить с мучениями. Столь мрачная эквилибристика жизнью и смертью одного из первых лиц в империи потрясла и всех присутствующих — кто-то сожалел об этом, как искренне замечает Берхгольц, «очень честном человеке», кто-то тянул к нему руки с поздравлениями, кто-то строил догадки по поводу наказаний других участников скандала в Сенате. Государь же был очень мрачен, никого не принимал, скрылся в одной из комнат и даже обедал один [Берхгольц 1902—1903, 3: 28—29; Бердников 2011: 82—84].

Итак, обряд положения Шафирова на плаху практически впервые в русском законодательстве был назван *политической смертью*. С тех пор подобные экзекуции, практиковавшиеся в судопроизводстве и ранее, ретроспективно получили конкретное терминологическое оформление. Одновременно уточнение определений породило новую форму наказания: публичное переживание заведомой инсценировки смертной казни. Однако мучительное ожидание неизбежного конца, страшные мгновения на эшафоте и ошеломляющее помилование психологически принципиально отличались от символического театрального действия *политической смерти*, в которое были вовлечены и палач, и преступник.

«Казус Шафирова» дал импульс появлению целого ряда законодательных актов, направленных на повышение авторитета государственных указов в сознании подданных и на ужесточение наказания за бесчинства в присутствиях. Прошло несколько месяцев с момента политической смерти Шафирова, а случай с «упрямством» барона нет-нет да и всплывал в текстах именных резолюций. В октябре 1723 года было строжайше запрещено «браниться, здорить, кричать» и уж тем более драться в казенных местах. И если за словесную невоздержанность полагались штрафы и конфискация имущества, то рукоприкладство каралось *политической смертью*. То ли призывы Петра к благочинию не возымели действия, то ли император резонно полагал, что нравы не улучшаются одним росчерком пера, но в начале 1724 года именной указ «о на-

свояка А.М. Гагарина и обман полковника Воронцовского, у которого барон под видом займа взял в заклад деревню, а «денег не дал ничего» [Берхгольц 1902—1903, 3: 28; Соловьев 1959—1966, IX: 456—466].

4 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 5. Д. 300. Л. 271 (см. также: Л. 263—266, 267—270 об.).

казании за бесчинство» был повторен с расширенным толкованием. Власть неукоснительно требовала пристойного поведения в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судебных местах, апеллируя к образу Высшего Судьи и называя любой суд *Судом Божьим*. И, наконец, буквально на следующий день последовал еще один устрашающий указ «о важности государственных уставов», чтобы неведением, «как в деле Шафирова», никто не отговаривался [ПСЗ 1830, VII: 142—143 (№ 4337. 24 октября 1723); 214—215 (№ 4431. 21 января 1724); 216 (№ 4436. 22 января 1724)]. Приблизительно в это же время *политической смертью* пригрозили ловким приказчикам в случае, если они посмеют утаивать крепостные души без ведома помещика [ПСЗ 1830, VII: 146 (№ 4343. 5 ноября 1723)].

После кончины Петра и известного перераспределения политического влияния при дворе был издан указ «О внесении в Верховный тайный совет экстрактов из дел уголовных для доклада Ее Величеству о преступниках, приговоренных к смертной казни или политической смерти» [ПСЗ 1830, VII: 700 (№ 4964. 8 октября 1726)]. При всех изменениях в структуре государственного управления этот документ сохранял актуальность на протяжении краткого царствования Петра II и всего правления Анны Иоанновны. Указ, с одной стороны, ставил под более жесткий контроль принимаемые на местах резолюции по уголовным преступлениям, а с другой — еще раз напоминал всем подданным, что высший суд остается исключительной прерогативой венценосной особы. В то же время сама ситуация разрешения участи колодников у подножия престола в целом способствовала сокращению числа «смертных сентенций». Сравнение «мнений» полицмейстерских контор и канцелярий и окончательных приговоров показывает явную гуманизацию выносимых вердиктов по мере их продвижения к вершинам власти.

Так, граф Б.-Х. Миних, возглавивший в 1732 году ко всем своим регалиям и должностям еще и Петербургскую полицмейстерскую канцелярию, лично рассматривал дело ямщика Никиты Гайгарова, присланное из ямской конторы московской ямской слободы. Этот Никита Гайгаров, бесчинствовавший на дорогах от Петербурга к «Красному кабачку» и Екатерингофу, «с огня и с розысков» повинился в одном убийстве, двух разбоях и четырех грабежах. Полицейстерская канцелярия требовала смертную казнь через повешение за ребро, Правительствующий сенат по доношению Миниха ограничился «более легкой смертью» и воздаянием за душу погибшего: «повесить в том месте, где он смертное убийство совершил»⁵. А вот в случае с посадским человеком Кондратием Пикиным казнь вообще была заменена ссылкой в Рогервик. Сведения, поступившие в полицмейстерскую канцелярию от генерал-инспектора Карла Гохмута, обнаруживали, что этот Пикин, будучи в услужении у самого Ягужинского, украл из казенной палаты деньги, а из гостиного двора — детские вещи, серебряное кружево и занавески. Отсутствие обвинений в убийствах и разбоях показалось неубедительным, и канцелярия настаивала на смертной экзекуции. Миних же решил ограничиться наказанием кнутом, вырезанием ноздрей и каторгой⁶.

Вместе с тем после издания в 1726 году указа о запрещении вершить не только смертную казнь, но и политическую смерть без ведома высших государ-

5 Там же. Оп. 14. Д. 781. Л. 324—234 об., 325—328, 330.

6 Там же. Л. 318—320.

ственных органов и доклада императрице приговоры к *политической смерти* на протяжении всех последующих лет не выносились. Более того, сам этот термин практически исчез из законодательных документов. При этом симптоматично, что *положение на плаху* как форма помилования сохранялось в практике уголовных наказаний, однако *политической смертью* такая экзекуция не именовалась. Так, в 1739 году Сенат постановил: «крестьянину Семёну Степанову» за растление малолетней девки Улиты, дочери солдата Ямбургского полка Луки Зуева, «сказав смерть, положить на плаху и, подняв с плахи, бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать в Оренбург на вечную работу» [ПСЗ 1830, X: 881 (№ 7882. 24 августа 1739)].

Может быть, именно поэтому в самом начале правления Елизаветы Петровны дарование жизни под занесенным топором генерал-адмиралу и первому кабинет-министру А.И. Остерману было названо «всемилоостивейшим освобождением от смертной казни», а не *политической смертью*. Остерман обвинялся в сокрытии завещания императрицы Екатерины I, по которому власть должна была перейти к Елизавете Петровне, попытке возвести на российский престол сына мекленбургской принцессы Анны, а дочь Петра Великого выдать замуж за «чужеземного убогого принца». Вместе с Остерманом по этому политическому делу проходили еще пять весьма значительных фигур: уже упоминаемый фельдмаршал Миних, вице-канцлер М.Г. Головкин, обер-гофмаршал Р.-Г. Лёвенвольде, президент Коммерц-коллегии К.-Л. Менгден и действительный статский советник И.Н. Темиряев. Сентенция, принятая Генеральным судом и Сенатом в полдень 15 января 1742 года, отличалась крайней суровостью: Миних был приговорен к четвертованию, Головкин, Лёвенвольде, Менгден и Темиряев — к отсечению головы, но самое жестокое наказание ожидало Остермана — его приказано было колесовать и тело на колесо положить⁷.

Однако мало кто из государственных персон ожидал высочайшей конфирмации кровавой экзекуции через полтора месяца после клятвы, данной императрицей перед образом Спаса, никогда более не вершить смертной казни. И хотя работа комиссии по делам титулованных преступников держалась в строжайшем секрете и никакого манифеста о приговоре опубликовано не было, вся политическая верхушка, включая посланников, была очень неплохо осведомлена. Спустя несколько часов после окончания следствия секретарь саксонского посольства И.-З. Пецольд уже доносил первому министру Августа III графу Г. Брюлю придворные сплетни, полученные от вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина: «Под величайшею тайною сказал он мне, что приговор оказался ужасным и что великий канцлер и генерал-прокурор⁸ требовали, чтобы граф Остерман был колесован, а фельдмаршал Миних — четвертован. Ее Величество императрица, однако, милосердна» [СБРИО 1871: 401–402]. На следующий день, 16 января, именной указ, направленный в Сенат и Генеральный суд, освобождал преступников и от смертной казни, и от «тяжкого наказания», а также прописывал сценарий положения на плаху Остермана⁹. 17 ян-

7 Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 7–20 об. См. также: [ПСЗ 1830, XI: 342–344 (№ 8476. 28 ноября 1741); XI: 567–577 (№ 8506. 22 января 1742); XI: 880–884 (№ 8775. 29 августа 1743)].

8 Речь шла о преисполненных мстительных чувств князе А.М. Черкасском и князе Н.Ю. Трубецком.

9 РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 321. Ч. 1. Л. 5–6.

варя в 8 часов утра высочайшее решение было доведено до сведения Сената, тогда же были внесены и незначительные коррективы в процедуру объявления смертного приговора и помилования¹⁰.

Таким образом, исполнение неизвестной большинству жителей столицы сентенции сразу же приобрело оттенок продуманного назидательного представления, адресованного прежде всего простым подданным. 17 января 1742 года в Петербурге на всех улицах раздалась барабанная дробь и «во всенародное известие» объявили о назначенной на завтра публичной казни «злоумышленных врагов целости империи», «чтоб всякого чина люди о сем ведали и для смотра приходили»¹¹.

Ранним утром 18 января перед зданием Двенадцати коллегий вокруг сооруженного эшафота выстроились солдаты Астраханского полка, сдерживавшие многолюдную толпу. Однако зловещие приспособления для наказания несчастного Остермана, приговоренного к колесованию, отсутствовали — на помосте зрители заметили только две плахи и топор. Арестанты давно уже были доставлены из Петропавловской крепости в здание Коллегий и дожидались своего выхода. Ровно в 10 часов показалась процессия: давно страдающего подагрой Остермана в парике, черной бархатной фуражке и лисьей шубе везли на крестьянских дровнях, остальные осужденные шли следом. Все шестеро были абсолютно спокойны, а Миних, вырядившийся почему-то в серый кафтан и ярко-красный военный плащ, даже вызывающе оживлен. Он дружески шутил с сопровождавшими его солдатами, убеждал их, что не струсит на эшафоте, как не трусил, когда водил их в атаку при Ставучанах и Очакове, а караульному унтер-офицеру, расчувствовавшись, подарил кошелек с червонцами на память.

Остермана подняли на помост на носилках, усадили на стул и сорвали бархатную фуражку и парик. Он первым выслушал «объявление о винах и преступлениях», зачитанное секретарем Сената Семеном Орловым в присутствии генерал-лейтенанта и обер-камергера С.Л. Игнатьева и обер-секретаря Сената П.В. Севергина¹². Приговор к колесованию тут же был заменен на отсечение головы¹³. Графа положили на плаху, расстегнули ворот рубахи, обнажили шею, один из палачей держал голову за волосы, другой вынимал топор. В это же мгновение был зачитан указ о помиловании и ссылке на вечное житье в уже печально знаменитый Березов. После этого бывший первый министр невозмутимо приподнялся¹⁴, застегнул ворот рубахи, попросил вернуть «парик и колпак»¹⁵ и, не проронив более ни слова, спокойно наблюдал за процедурой обвинения и затем провозглашения смягченного приговора прочим осужденным [Галем 1806: 217—219; Шишкин 1858: 349—351; Каратыгин 1884: 613—

10 Там же. Л. 22—23, 26—26 об.

11 Там же. Л. 21.

12 Там же. Л. 41 об.

13 Е.В. Анисимов остроумно замечает, что «казнь первого министра правительства Анны Леопольдовны А.И. Остермана была уникальна, так как содержала двойное помилование» [Анисимов 1997: 61].

14 Упоминание историка Костомарова о том, что ни о чем не ведавший палач, услышав о помиловании, в сердцах пнул ногой старика [Костомаров 1873—1888, 2, вып. 7: 78], не подтверждается данными присутствовавших на казни очевидцев, в частности Пецольда и английского посланника Э. Финча. См., например: [Kleff 1938: 38—40].

15 См. замечания Финча: [Пекарский 1868: 523].

615; Соловьев 1959—1966, XI: 138—141]. Плаха так и осталась неокровавленной, преступники избежали даже публичного наказания кнутом, спектакль был завершен, а собравшаяся на площади чернь осталась без зрелищ. «Вообще вся эта трагическая история, — в тот же день сообщал Пецольтд своему королю, — прошла без малейшего беспорядка, некоторые из народа, недовольные тем, что никто из осужденных не был казнен смертью, были тот час же приведены к совершенному молчанию» [СБРИО 1871: 409—410]. При этом посланник недоуменно добавлял: «Никто не может с достоверностью сказать, знал ли граф Остерман о том, что он будет помилован, или нет» [СБРИО 1871: 409—410]. Между тем сам факт объявления во всенародное известие манифеста «о важнейших винах и преступлениях» осужденных лишь спустя две недели после состоявшегося помилования позволяет предположить, что в день казни у здания Двенадцати коллегий собралась толпа зрителей и узкий круг посвященных участников театрализации смертной экзекуции¹⁶.

После виртуальной расправы с Остерманом и прочими высокопоставленными «злодеями» термин *политическая смерть* прочно укрепляется в языке законодательных актов и употребляется, как правило, вместе с понятием *смертная казнь*. При этом в ситуации моратория на высшую меру наказания значение политической смерти, а также четкого понимания ее процедуры и обряда особенно возрастало.

Политическая смерть и смертная казнь

Не далее как летом 1743 года вопрос о соотношении этих двух видов столь зловещих приговоров встал уже в дипломатическом контексте. Шли последние недели затянувшихся переговоров в ходе реваншистской Русско-шведской войны, так и не позволившей Стокгольму пересмотреть условия Ништадтского мира. Международные амбиции России были уже не столь высокими, а положение императрицы, недавно взошедшей на престол в результате дворцового переворота, не столь прочным, как у ее венценосного отца двадцать лет назад. Любая политическая оплошность могла привести к срыву подписания так называемого «Уверительного акта» [Соловьев 1959—1966, XI: 222—223; Писаренко 2010], поэтому Елизавета Петровна была весьма разгневана, когда получила от главнокомандующего П.П. Ласси донесение о случаях мародерства и даже убийства мирных шведских подданных русскими солдатами. Ситуация усугублялась тем, что, по всей вероятности, пострадали даже не шведы, а финны, которым Елизавета за нейтралитет во время военных действий обе-

16 См.: Манифест о вступлении на престол государыни императрицы Елизаветы Петровны с изъяснением преимущественного права Ее Величества на императорскую корону [ПСЗ 1830, XI: 542—544 (№ 8476. 28 ноября 1741)]; Манифест об отмене смертной казни приговоренным к оной генеральным судом государственным преступникам Остерману, Миниху, Головкину, Лёвенвольду, Менгдену и Темиряеву [ПСЗ 1830, XI: 567—577 (№ 8506. 22 января 1742)]; Указ о рассылке манифеста от 22 января 1742 г. о важнейших винах и преступлениях, бывших генерала адмирала Андрея Остермана, фельдмаршала Миниха, вице-канцлера Михаила Головкина... Б.м., 1742. 2 февраля; Манифест о злодейственных умыслах разных преступников противу Ее Императорского Величества и об учиненных им наказаниях [ПСЗ 1830, XI: 880—884 (№ 8775. 29 августа 1743)].

щала спокойствие и поддержку в борьбе за суверенное государство. Решение о неприменении смертной казни приходило теперь в противоречие не только с приговором главнокомандующего, но и с дипломатическими расчетами.

Выход был найден в сфере терминологии: в обращении к шведскому канцлеру использовалось туманное понятие *политическая смерть*. Спустя несколько дней императрица писала главнокомандующему:

Господин генерал-фельдмаршал, по сентенции приговорено убийцев и грабителей всех колесовать, а капрала и ефрейтора, которые оных для добычи отпускали, расстрелять <...>; на оное наша резолюция сия есть: хотя они и достойны за свое злодейство по закону Божию и по правам государственным наихлещайшей смертной казни, однако мы, от милосердия нашего, смерти предать их не хотим <...> и о том вы от себя к графу Шленбургу отпишите, что мы таким преступникам никакого упущения чинить не велим, а что их смертью казнить не велели, то объяви, что Мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертию наказывать устави [Таганцев 1902, 2: 972—973]¹⁷.

Попыталась Елизавета смягчить оскорбленные чувства не только канцлера Карла Шленбурга (или Гилленборга), но и местных жителей, приказав наказать преступников «там же, где они то злодейство учинили, при шведских депутатах, которым, отыскав, все пограбленное отдать» [Таганцев 1902, 2: 972—973].

Сама сентенция была рассчитана на публичный характер и в целом соответствовала приговорам, предусмотренным Соборным уложением: «Настоящим убийцам отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, послать в вечную работу, а капрала и ефрейтора бить кнутом и, вырезав ноздри, тако ж вечно в работу послать в Сибирь, а которые то грабленое принимали, тех шпицрутен гонять и на три года в каторжную работу послать» [Таганцев 1902, 2: 972—973]¹⁸.

Этот указ от 2 августа 1743 года, не вошедший, кстати сказать, в Полное собрание законов Российской империи, остался бы без особых последствий, если бы не «терминологический реверанс» в сторону шведского канцлера. Но упоминание о *политической смерти*, которая заключается в отсечении правой руки и заменяет собой смертную казнь, породит проблемы в сфере реализации уголовного законодательства в XVIII веке, искажение в наименовании законов во время кодификации и, наконец, ошибочные выводы в историографии, интерпретирующей мораторий на смертную казнь в царствование Елизаветы.

Во-первых, указ, рассчитанный на дипломатический резонанс и связанный с конкретным фактом мародерства на чужой территории во время мирных переговоров, явно приходил в противоречие с общим мораторием и на политическую смерть, и на смертную казнь. Кроме того, форма публичного наказания бесчинствующих солдат русской армии, представленная в указе как политическая смерть и сводящаяся к отсечению правой руки, не соответствовала уже существующему обряду «сказания смерти и положения на плаху». Во-вторых, единственный раз, в 1743 году, промелькнувший в законах тезис о замене смертной экзекуции политической смертью переключался в указ от 29 марта 1753-го в результате поиска сенаторами всех случаев упоминания

17 См. также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262—263 об.; Оп. 113. Д. 919. Л. 1—4; [Сенатский архив 1892: 651].

18 См. об этом также: РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262—263 об.; Оп. 113. Д. 919. Л. 1—4; [Писаренко 1991: 33, 45—46].

этого термина и, наконец, определил название указа от 30 сентября 1754 года уже в процессе кодификации в XIX веке¹⁹. В-третьих, исходя из ошибочного определения основного смысла указа в ПСЗ, некоторые исследователи делали неправомерный вывод о существовании в годы правления Елизаветы Петровны практики замены смертной казни политической смертью [Смерть политическая 1900; Курукин, Никулина 2008: 556].

В действительности же натуральная смерть и инсценировка вынесения смертного приговора расценивались как почти равнозначные высшие меры наказания, на которые и накладывалось запрещение вершить их без санкции Сената и высочайшей конфирмации. Более того, смерть и ее публичная имитация настолько тесно сливались в формулировках сентенций, что неизбежно возникали некий терминологический конфликт и потребность в более четких определениях. Проблема дефиниций усугублялась еще и тем, что приговоры к смертной казни и политической смерти должны были оставаться на бумаге. Отчасти поэтому сенаторы избирали путь введения очевидных визуальных отличий помилованных преступников.

Весной 1746 года на имя императрицы поступает доклад за подписью И.Ю. Трубецкого, А.И. Ушакова, А.Б. Куракина, А.И. Румянцева, А.Б. Бутурлина, И.И. Бахметева, П.И. Шувалова и А.Д. Голицына, по которому предлагается «подлежащи <м> к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу “В”, а на щеках на одной “О”, а на другой “Р”», а осужденным на политическую смерть «чинить наказание кнутом с вырезанием ноздрей». После экзекуции все заклеянные преступники в кандалах должны отправляться «в вечную тяжелую и всегдашнюю работу». В этом докладе в общих чертах прописывался и обряд *политической смерти*: «...ежели кто положен будет на плаху или взведен будет на виселицу, а потом объявлена им будет Ее Императорского Величества милость»²⁰. Однако статус закона получили лишь некоторые нововведения сенаторов, и то с «орфографическими коррективами». 9 июня 1746 года был издан именной указ «О клеймении воров, разбойников и прочих уголовных преступников словом *вор*, означая на лбу “ВО”, на правой щеке “Р”, а на левой — “Ъ”» [ПСЗ 1830, XII: 558 (№ 9293. 9 июня 1746)]²¹. Речь, разумеется, шла только о несмываемом позоре и бессмысленности любого побега осужденных на смертную казнь. Судьба приговоренных к политической смерти, как и содержание самого понятия, оставались пока без высочайшей конфирмации. Доклад подносился Елизавете Петровне еще несколько раз, в 1746-м и 1750 годах, но лишь в 1753-м получил императорскую резолюцию²².

19 Несмотря на то что в указе от 30 сентября 1754 года ни слова не говорится о замене смертной казни политической смертью, название этого указа дается в историографии по ПСЗ: «О ревизии уголовных дел по разным ведомствам, и о подтверждении указа 1753 года июня 18, о замене смертной казни политической, с объяснением, что почитать сею казнию и что наказанием» (Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской: из Правительствующего Сената [30 сент. 1754]. [СПб.]: Печатан по определению Правительствующего Сената при Императорском Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 22 апр. 1776 [ПСЗ 1830, XIV: 235–236 (№ 10306. 30 сентябрь 1754)]).

20 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 11–16 об.

21 В 1754 году вернулись к более рациональному варианту «ВОР» без «Ъ» [ПСЗ 1830, XIV: 235 (№ 10306. 30 сентября 1754)].

22 РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 33–34.

В исследовательской литературе высказывается предположение, что самодержица хранила молчание несколько лет, так как терпеливо выжидала, когда несколько смягчится позиция сенаторов, стремящихся «компенсировать “натуральную смерть” увеличением физических мучений» [Писаренко 1991]. Однако решение, касающееся страшной отметки «ВОР», было принято незамедлительно. А из текста доклада следует, что, напротив, его авторы предлагали не калечить преступников, как указывалось в распоряжении генералу Ласси периода Русско-шведской войны, а использовать их труд, причем не столько из христианской жалости, сколько из прагматичного расчета: «Сенат приемлет смелость всеподданнейше донести, что <ежели> отсечь по правой руке и, вырезав ноздри, ссылат в вечную работу, <то> такие безрукие ни к каким уже работам действительны быть не могут, но токмо туне получать себе будут пропитание»²³.

Наконец, в 1753 году было дано более развернутое толкование *политической смерти*, которое, однако, ограничивалось описанием уже известного ритуала и наказанием, заменяющим вынесенный приговор: «Сенат рассуждает: политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или возведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания, только вечной ссылкой» [ПСЗ 1830, XIII: 819—820 (№ 10087. 29 марта 1753)]²⁴. Кажущаяся противоречивость такой трактовки заключалась в том, что приговоры к политической смерти оставались без приведения в исполнение, а кнут, вырезание ноздрей и ссылка за «воровство и разбой» применялись повсеместно без каких-либо докладов в Сенат и *политической смертью* не считались. Таким образом, под ту или иную форму высочайшего запрета попадала не только смертная казнь, но и ее инсценировка, практически приравниваемая мораторием к смертной экзекуции по тяжести наказания.

Политическая смерть и шельмование

Руководствуясь современным здравым смыслом, *политическую смерть* логичней было бы уподобить *шельмованию*²⁵, однако в русском законодательстве XVIII века эти понятия не отождествлялись. «Воинский устав», «Морской устав», «Краткое изложение процессов и судебных тяжб», «Генеральный регламент» и ряд именных и сенатских указов связывали шельмование с «тяжелым чести нарушением». Позорное клеймо «ошельмованного» человек получал в результате оскорбительных для личностного и сословного достоинства ситуаций: пытка, телесные наказания, «пребывание в руках палаческих» или просто обнажение в публичном месте; именование «вором» (что значит «шельма» [Даль 1882: 628]), прибитое на виселице имя; переломленная палачом

23 Там же. Л. 14—16 об.

24 Доклад Сената был подтвержден императрицей и подтвержден спустя год [ПСЗ 1830, XIV: 838—839 (№ 10101. 25 мая 1753); 235—236 (№ 10306. 30 сентября 1754)]; см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 14—16 об., 38—40.

25 Так, например, Е.В. Анисимов полагает, что шельмование как вид наказания было близко к политической смерти, которая, в отличие от натуральной смерти, не была физическим уничтожением преступника, а уничтожала человека как члена общества [Анисимов 2004: 246—248].

шпага, пощечина в присутствии свидетелей, испрашивание прощения на коленях и т.п. (см.: [ПСЗ 1830, V: 382, 410 (№ 3006. 30 марта 1716); VI: 158—159 (№ 3534. 28 февраля 1720); XI: 73—75 (№ 8056. 28 марта 1740); XV: 884—885 (№ 11403. 11 января 1762); XIX: 179 (№ 13545. 21 декабря 1770); XXII: 883 (№ 16566. 27 августа 1787); XXIII: 171 (№ 16910. 23 октября 1790)] и др., а также: [Титов 2002: 154—168; Курукин, Никулина 2008: 554—556]).

В начале XVIII века, когда, собственно, и стали практиковать такое наказание, как *шельмование*, отношение к осужденным, «из числа добрых людей извергнутым», строго регламентировалось. Эти несчастные оказывались как бы вне закона и общества — их не разрешалось «в какое-либо дело, ниже свидетельство принимать», им нельзя было находиться на статской или военной службе, их без всяких последствий можно было ограбить и избить, поскольку они не имели права обращаться в суд с челобитной (см., например: [ПСЗ 1830, V: 382, 410 (№ 3006. 30 марта 1716); VI: 158—159 (№ 3534. 28 февраля 1720); XV: 884—885 (№ 11403. 11 января 1762)] и др.). Но главное наказание для ошельмованного заключалось, по мысли Петра I, в изоляции от людей — под угрозой лишения чинов и ссылки на галеры запрещалось его «посещать и в компании допускать», «ибо, когда увидит, что он со своею братию в равенстве, то скоро забудет все, что ему учинено» [ПСЗ 1830, VI: 158—159 (№ 3534. 28 февраля 1720)].

По всей видимости, современники постоянно нарушали столь психологически сложно выполнимое распоряжение, поскольку требование ostracизма несколько раз повторялось в петровских указах, сопровождалось весьма эмоциональными толкованиями, но так и осталось благим пожеланием, постепенным вытесненным ограничениями в месте проживания и принесении присяги.

Характерно, что после уже упоминаемой экзекуции Шафирова, побывавшего в «руках палаческих», многие люди у эшафота поздравляли его с неожиданным помилованием. Не менее дружелюбно были настроены гвардейцы по отношению к осужденным на публичную казнь противникам только что взшедшей на престол Елизаветы Петровны. «Солдаты, сопровождавшие Остермана и Миниха, Головкина и Лёвенвольде, обращались с ними весьма ласково, называли их “отцами родными” и всячески утешали», — сообщал очевидец событий, секретарь саксонского посольства Пецольд [СБРИО 1871: 410].

Несмотря на то что Петр в «Генеральном регламенте» пригрозил галерами за дружбу с ошельмованными, судебные преследования исключительно за эту провинность практически отсутствуют. Обвинения за подобные порочащие контакты встречаются лишь как дополнительные аргументы к многочисленным более тяжким преступлениям осужденных. Так, в 1736 году был казнен иркутский вице-губернатор Алексей Жолобов за взятки, которые он, как выяснилось, ухитрился брать со всех — дворян, посадских людей, казаков, ясачных иноверцев, китайских перебежчиков и даже тунгусских шаманов. Алчность этого чиновника впечатляла: все шло в дело — деньги, серебро, золото, бархат, парча, тюневая китайка, верблюды, лошади и т.д. Неудивительно, что ко всем прочим своеволиям этот зарвавшийся вице-губернатор «имел с подозрительными и шельмованными людьми весьма фамильярные дружеские обхождения», однако на плахе он оказался не за эту провинность [ПСЗ 1830, IX: 876—879 (№ 7009. 9 июля 1736)]²⁶.

26 См. об этом также: [Соловьев 1959—1966, X: 609].

После правления Петра отношение законодательства не только к вступающим в контакт с публично наказанными, но и к самим ошельмованным²⁷ стало более лояльным, а вернее сказать, прагматичным. В 1740 году разрешено было жить в Петербурге всем битым кнутом, кто имел в столице свой дом, торговые промыслы или просто не проходил по делу Тайной канцелярии, а также бедным солдатским, матросским и «других в службе обретающихся чинов» женам, которых пытали за проступки мужей [ПСЗ 1830, XI: 73–75 (№ 8056. 28 марта 1740)]. В 1761 году помещики получили право ссылать в Нерчинский уезд не только крестьян, которые «воровством, пьянством и прочими непристойными предерзостными поступками разорение приключают», но и наказанных кнутом, если они не старше 45 лет и годны к работе [ПСЗ 1830, XV: 665–666 (№ 11216. 15 марта 1761)]. Иными словами, столица, а впоследствии Москва и губернские города закрывались только для так называемых публично наказанных беспаспортных разбойников и воров, людей подозрительных, праздно шатающихся, от которых ничего, кроме злодейства, быть не может [ПСЗ 1830, XI: 73–75 (№ 8056. 28 марта 1740); XIX: 179 (№ 13545. 21 декабря 1770)].

Показательно, что в царствование Екатерины понятие *ошельмованные* в текстах указов вытесняется определением *публично наказанные* с немаловажным добавлением — «по суду»²⁸. Местами высылки для получивших удары кнута становятся уездные города, где они зачисляются в рабочие люди²⁹. Петровское требование объявления ошельмованных вне закона и их психологической изоляции ни разу не воспроизводится в законодательстве второй половины XVIII столетия.

Постепенно исчезают и случаи ритуального восстановления чести ошельмованных и их возвращения, говоря словами Ф.М. Достоевского, в «компанию человеческую». По петровскому законодательству прошедшие публичное наказание и каторгу офицеры и солдаты могли получить высочайшее прощение через обряд возложения на них знамени и вручения специального указа, под-

-
- 27 Исключение составляют наказания за лояльное отношение не собственно к ошельмованным, а к колодникам. См., например, дела о наказании караульного солдата Ивана Козлова за то, что он дал читать колоднику Четьи-Минеи, о протодиаконе Герасиме Иванове, осужденном за разговоры с колодником Тайной канцелярии Алексеем Львовым, о фельдшере Петре Протодиаконове, осужденном за сожаление к участи одного государственного преступника (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 484, 603 и др.).
- 28 Лишь в самом начале правления императрицы за оскорбления в адрес высочайшей персоны и апеллирование к имени Иоанна Антоновича помилованных поручиков Петра Хрущова и Семена Гурьева было приказано лишить чинов, фамилий, исключить из числа «благородных людей» и «шельмовать публично». Не донесшим на них Ивану и Петру Гурьевым присуждалась «политическая смерть» [ПСЗ 1830, XVI: 91–93 (№ 11693. 24 октября 1762)]; см.: РГАДА. Ф. 6. Д. 396: О Семене, Иване и Петре Гурьевых, Петре и Алексее Хрущовых, имевших намерение лишить престола императрицу Екатерину II (1762).
- 29 В 1790 году мещанин Максим Золотарев украл у купца Ивана Дорофеева ассигнации и платье, за что получил 20 ударов кнутом и был выслан из Москвы в Калужскую губернию. Калужское наместничество этого публично наказанного принимать в своих уездных городах не захотело, сославшись на отсутствие «о рабочих людях особого постановления», и предложило отправить вора в Тобольск. Сенат эту идею отверг и распорядился наказанных кнутом содержать под надзором городничего и употреблять в казенных или партикулярных работах [ПСЗ 1830, XXIII: 171–172 (№ 16910. 23 октября 1790)].

тверждающего снятие вины. Эти бывшие преступники вновь оказывались среди «добрых людей», и отныне никто, «ни мирской, ни духовный», не имел права напоминать им о прошлом [ПСЗ 1830, VI: 767—768 (№ 4083. 4 сентября 1722)]³⁰. Практика этого символического действия, распространявшегося также на находящихся на статской и придворной службе, сходит на нет вместе с термином *шельмование* приблизительно в начале правления Елизаветы Петровны³¹. Не случайно как раз в эти годы автор «Лексикона российского», историк и государственный деятель В.Н. Татищев определял «исключение из числа добрых людей» понятием *политическая казнь*, но не *шельмование* и не *политическая смерть*. Среди символических манипуляций над преступником: преломления шпаги, изгнания из войска, объявления в суде «нечестным», клеймения, — которые Татищев именовал *политической казнью*, главный обряд *политической смерти* — «положение на плаху» — отсутствовал³².

При этом Екатерина II вовсе не отказалась от назидательных мероприятий вынесения наиболее страшных преступлений на всенародный позор и включения в эти публичные действия тех или иных ритуальных элементов *смертной казни*, *политической смерти*, *шельмования* или *церковного покаяния*.

Так, печально известная Д.Н. Салтыкова, жестоко убившая более семидесяти своих крестьян³³, была приговорена Сенатом к смертной казни, замененной на целый ряд унижительных экзекуций, которые имели не менее глубокий назидательный для других подданных смысл. Представлялся случай, с одной стороны, продемонстрировать монаршее милосердие, с другой — использовать практически весь арсенал обрядов, направленных на прилюдное уничтожение личности преступницы. Императорским именовым указом Салтыкова лишалась дворянства и фамилий отца и мужа, превращаясь в Дарью Николаеву дочь. Все население Москвы было заранее оповещено о дате ее публичного наказания. В назначенный день Салтычиху вывели на эшафот, установленный на Красной площади, и зачитали вынесенную Сенатом смертную сентенцию, а затем указ Екатерины об изменении наказания. Злодеяния помещицы были настолько чудовищны, что вопрос о помиловании молчаливо обходился — напротив, заявлялось о «крайнем прискорбии» императрицы по поводу «бесчеловечных смертных убийств». Затем Салтыкову на глазах у собравшейся толпы

30 См., например: Дело 1738 года о возвращении шпаги и об освобождении неправильно осужденного поручика Семена Халютина (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 638).

31 В конце XVIII — начале XIX века появится публичное прощение дворянина, подвергнутого гражданской казни, а пока в 1742 году были изданы практически последние указы о театрализованном публичном прощении ошельмованных: Указ Ее Императорского Величества об освобождении из ссылки и на публичном месте прикрытии знаменем секретаря придворной конторы Александра Яковлева (1742. 16 апреля); Указ Ее Императорского Величества о возвращении из ссылки и публичном прощении бывшего генерала Федора Соймонова (1742. 14 марта) (РНБ. Русская книга гражданской печати XVIII в. 123/141). См. об этом также: [Сенатский архив 1892: 320].

32 «Казнь политическая, когда кто из числа добрых людей извержен, и оно бывает без наказания, яко в войске, когда шпагу над ним переломят и из войска выгонят; 2) в гражданском суде, когда кого всенародно за нечестного объявят, хотя и без наказания телесного, всякой чести, достоинства и имени лиша, сошлют в ссылку; 3) когда знак положен будет, яко член тела отсечен, ноздри вырваны или железом горячим на лице знак положится» [Татищев 1793: 123—124].

33 С.М. Соловьев пишет о 75 жертвах Салтыковой по обвинению ее же крепостных [Соловьев 1959—1966, XIV: 125].

приковали на эшафоте к столбу и повесили на шею доску с надписью «мучительница и душегубица». Спустя час закованная в железо преступница была направлена в специально для нее сделанную земляную тюрьму Ивановского монастыря, где ей предстояло находиться в темноте и полной изоляции до конца дней, чтобы «лишить злую душу всякого человеческого сообщества». Разумеется, Салтыковой запрещалось святое причастие, а также возможность находиться в храме — она выпускалась из своего заточения только во время службы, которую слушала у дверей церкви. Очевидно, что власти не было большого дела до духовного спасения обезумевшей крепостницы. Дело Салтычихи адресовалось всему населению, чтобы «указ о наказании Дарьи Николаевой за мучительство крепостных и многие убийства» «всяк был известен и во всем государстве публиковался печатными указами» [ПСЗ 1830, XVIII: 782 (№ 13211. 10 декабря 1768)].

Достоинство подданного и самозащита власти

Двадцатилетний мораторий на смертную казнь в России середины XVIII века стал реальностью, и, может быть, этот факт и побудил Чезаре Беккариа задаться вопросом: «Является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении?» Во всяком случае, именно итальянский просветитель один из первых с нескрываемым восхищением отзывался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов Отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, — писал он в 1764 году, призывая в подтверждение своих мыслей историю только что закончившегося правления в России, — воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин — подобно молнии, озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество» [Беккариа 1939: 314—333].

Императрица Московии никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов ее подданных. Собственно о приостановке смертной экзекуции «во всенародное известие» объявлено не было, однако в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась³⁴, как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Еще несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России³⁵. Казалось,

34 Разумеется, оставалась должность профоса, в обязанности которого входило наблюдение за арестантами и исполнение телесных наказаний.

35 Так, в январе 1726 года было приказано казнить комиссаров Новгородской провинции Обонежской пятины Никиту Арцыбашева, Григория Баранова и подьячего Якова Волоцкого: «...повесить в той Обонежской пятине и написать вины их на жести, прибить к тем виселицам и тел их с тех виселиц не снимать». Преступление, доведенное таким образом до сведения всех жителей, заключалось во взятках и хищении

что волна бунтов и разбоев накроет страну, если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления башкирского восстания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов [Соловьев 1959—1966, X: 608]. Первый русский обер-прокурор Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет» [Ягужинский 1860: 271].

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов ее применения, и произошло это не благодаря трактату Беккариа, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный Соловьев писал об этом:

Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничижавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало [Соловьев 1959—1966, XI: 527]³⁶.

Как свойственно вечно самодержавной России, «это великое начало» претерпело соответствующую трансформацию во время правления другой императрицы и сообразно ее установкам. Очевидно, что Екатерина Алексеевна в ночь перед дворцовым переворотом ни русскому, ни немецкому Богу не молилась, никому перед иконой и распятием обетов не давала, а «молитвенником всех государей» [СБРИО 1872: 29—31] почитала, как ни странно, не Новый Завет, а трактат «О духе законов» простого смертного француза Монтескье. Поэтому бескомпромиссно противостоять смертной казни она не собиралась, но и злоупотреблять пытками и экзекуциями с просветительской рациональностью считала нецелесообразным.

Более чем за тридцать лет правления императрицы Екатерины II было три громких дела, завершившихся отсечением головы, повешением, виселицей по жребию и четвертованием: заговор подпоручика Василия Мировича, чумной бунт 1771 года в Москве, приведший к убийству архиепископа Амвросия, и, наконец, пугачевщина. Однако массовые показательные казни участников восстания так или иначе девальвировали образ «милосердной государыни» и в целом не могли способствовать умиротворению подданных. Именно поэтому уже через несколько недель после подавления бунта императрица потребовала предать происшедшее «забвению и глубокому молчанию», похоронить выставленные напоказ тела казненных, а «лобные места истребить». Именно тогда присутственные места получили прямое указание — «а впредь по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, поступать по точной силе 1754 года указа» [ПСЗ 1830, XX: 104—106 (№ 14294. 6 апреля 1775)], т.е. экзекуции не вершить, а дела отправлять в Сенат и на высочайшую конфирмацию.

казны, в частности в покупке хлеба за счет средств из рекрутского подушного сбора и в использовании уездных подвод без платежа прогонных денег [ПСЗ 1830, VII: 564—565 (№ 4826. 24 января 1726)].

36 Во второй половине XVIII века на страницах русской публицистики уже идет открытое обсуждение не только целесообразности применения смертной казни, но и возможности ее отмены [Десницкий 1770]. См. об этом: [Lentin 1982].

Расправа с участниками восстания Пугачева станет практически последней смертной казнью в Российской империи вплоть до повешения пятерых декабристов в 1826 году. Во время Наполеоновских войн полковник М.М. Петров, впервые в жизни увидевший виселицу недалеко от городка Штропен, был глубоко потрясен:

Между прочим <...> вдруг предстало глазам моим <...> какое-то отдельное строение, <...> не виданного никогда мною образа: с пятью столбами <...>, стоящими на высоком круглом цоколе. На столбах этих лежали перекладыны. Я спросил проводника моего: «Что это такое?» Он отвечал: «Виселица». <...> Тоскливое изумление, как черный ворон, простерлось и объяло душу мою скорбию. «Как, — думал я, — и в те самые минуты, когда, казалось мне, что судьба совершила уже лестные желания мои, приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описаниям и слухам от многих, благоизбранных нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство — виселица!!» [Петров и др. 1991: 136—137]³⁷.

Во второй период правления Екатерины возможность смертной казни в большинстве случаев аннулировалась сразу на самых низших инстанциях, а на высочайшую конфирмацию поступали, как правило, дела представителей дворянского сословия. И хотя определенная имитация *политической смерти* еще всплывала в некоторых приговорах³⁸, о самом понятии и терминологических изысканиях предшествующего царствования никто уже не вспоминал. Вырезание ноздрей превращалось в архаику, а семантика клеймения и вместе с тем понимание самого страшного преступления, а может быть, и греха изменились. Некоторых преступников помимо вечной «каторжной работы» приговаривали к специальному позорящему обряду: «...поставить на лбу под виселицею первую букву слова “убийца”»³⁹.

Таким образом, в России XVIII века существовала не только натуральная смертная казнь, но и такие способы социального и личного уничтожения осужденного, как шельмование, клеймение словами «вор» или «убийца», «положение на плаху», политическая смерть, политическая казнь, преломление шпаги, лишение статуса, родовой фамилии и даже имени. Необъявленный двадцатилетний мораторий на высшую меру наказания, а также его негласное подтверждение после подавления бунта Пугачева в известной мере актуализировали эти формы наказания, которые не предполагали лишения преступника жизни. В период правления Елизаветы Петровны так называемая *политическая смерть*, или *положение на плаху*, после дела Остермана и Миниха оказалась под запретом, поскольку являлась практической имитацией смертной казни, что, видимо, противоречило обету, данному императрицей. При

37 Благодарю Л.Ф. Писарькову за сведения об этом эпизоде [Писарькова 2012: 298].

38 Так, отставной капитан Турбин за убийство крепостной девушки был лишен дворянства, чинов, фамилии, возведен на эшафот, положен на плаху, заклеямен и послан навечно в работу [Соловьев 1959—1966, XV: 115—116].

39 См., например: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 50 об. — 51; Д. 5. Л. 51 об.; Ф. 248. Оп. 61. Д. 5110. Л. 431; Д. 5159. Л. 199 — 199 об. См.: Высочайше утвержденный доклад Сената о наказании за умышленное смертоубийство лишением чинов, дворянского достоинства и постановлением на лбу знака первой буквы слова «убийца» [ПСЗ 1830, XX: 958—961 (№ 15032. 9 июля 1780)] и др. См. об этом также: [Соловьев 1959—1966, XIV: 126—127; XV: 114—116].

Екатерине II уходят в прошлое и понятие, и практика *шельмования*, а термин *политическая смерть* постепенно заменяется на *гражданскую казнь*, применяющуюся исключительно к представителям дворянского сословия. Но, несмотря на все нюансы применения «повреждающих честь» наказаний, им свойственно нечто общее: стремление власти к самозащите путем лишения того, что ей представляется содержанием достоинства личности.

Библиография / References

- [Анисимов 1997] — *Анисимов Е.В.* Народ у эшафота // Acta Slavica Iaponica. 1997. Vol. 15. P. 52—70.
- (*Anisimov E.V.* Narod u eshafota // Acta Slavica Iaponica. 1997. Vol. 15. P. 52—70.)
- [Анисимов 2004] — *Анисимов Е.В.* Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века. СПб., 2004.
- (*Anisimov E.V.* Russkaya pytka: Politicheskii sysek v Rossii XVIII veka. Saint Petersburg, 2004.)
- [Беккариа 1939] — *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. с итал. и биограф. очерк М.М. Исаева. М., 1939.
- (*Beccaria C.* Dei delitti e delle pene. Moscow, 1939. — In Russ.)
- [Белов 1884—1887] — *Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках: В 3 т. СПб., 1884—1887.
- (*Belov E.A.* Moskovskie smuty v kontse XVII veka: Rozysknye dela o Fedore Shaklovitom i ego soobshchnikakh: In 3 vols. Saint Petersburg, 1884—1887.)
- [Бердников 2011] — *Бердников Л.И.* Евреи государства Российского (XV — начало XX вв.): Литературные портреты. М., 2011.
- (*Berdnikov L.I.* Evrei gosudarstva Rossiyskogo (XV — nachalo XX vv.): Literaturnye portrety. Moscow, 2011.)
- [Берхгольц 1902—1903] — *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца: 1721—1725. М., 1902—1903.
- (*Bergholtz F.W. von.* Dnevnik kamer-yunkera Berkhol'tsa: 1721—1725. Moscow, 1902—1903.)
- [Воскобойникова 1999] — *Воскобойникова Н.П.* Челобитные Василия Васильевича и Алексея Васильевича Голицына из ссылки (1689—1714) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина: Материалы VI Голицынских чтений, 23—24 января 1999 г. / Под ред. А.М. Рязанова. Большие Вязёмы, 1999. С. 7—13.
- (*Voskoboynikova N.P.* Chelobitnye Vasiliya Vasil'evicha i Alekseya Vasil'evicha Golitsyna iz ssylki (1689—1714) // Khozyaeva i gosti usad'by Vyazemy: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya A.S. Pushkina: Materialy VI Golitsynskikh chteniy, 23—24 yanvarya 1999 g. / Ed. by A.M. Ryzanov. Bolshie Vyazemy, 1999. P. 7—13.)
- [Галем 1806] — *Галем Г.* Жизнь графа Миниха, императорского российского генерал-фельдмаршала / Пер. с нем. В. Тимковского. М., 1806.
- (*Halem G.A. von.* Lebensbeschreibung des Russisch-Kaiserlichen Generalfeldmarschalls Burchard Christoph von Münnich. Moscow, 1806. — In Russ.)
- [Даль 1882] — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.; СПб., 1882.
- (*Dal V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: In 4 vols. Vol. 4. Moscow; Saint Petersburg, 1882.)
- [Десницкий 1770] — *Десницкий С.Е.* Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. М., 1770.
- (*Desnitskiy S.E.* Slovo o prichinakh smertnykh kazney po delam kriminal'nym. Moscow, 1770.)
- [Желябужский 1840] — *Желябужский И.А.* Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.
- (*Zhelyabuzhskiy I.A.* Zapiski s 1682 po 2 iyulya 1709. Saint Petersburg, 1840.)
- [Каратыгин 1884] — *Каратыгин П.П.* Семейные отношения графа А.И. Остермана // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. № 9. С. 605—623.
- (*Karatygin P.P.* Semeynye otnosheniya grafa A.I. Ostermana // Istoricheskiy vestnik. 1884. Vol. XVII. № 9. P. 605—623.)
- [Костомаров 1873—1888] — *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 2 т., 7 вып. СПб., 1873—1888.
- (*Kostomarov N.I.* Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley: In 2 vols., 7 parts. Saint Petersburg, 1873—1888.)

- [Курукин, Никулина 2008] — *Курукин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.
- (*Kurukin I.V., Nikulina E.A.* Povsednevnaia zhizn' Taunoу kantselyarii. Moscow, 2008.)
- [Пекарский 1868] — Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740—1742 годов: Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге / Подгот. изд., примеч. и доп. П.П. Пекарского. СПб., 1868.
- (*Markiz de-la-Shetardi v Rossii 1740—1742 godov: Perevod rukopisnykh depesh frantsuzskogo posol'stva v Peterburge / Ed. by P.P. Pekar'skiy.* Saint Petersburg, 1868.)
- [Петров и др. 1991] — 1812 год. Воспоминания воинов русской армии: Из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея / Сост. Ф.А. Петров и др.; предисл. Ф.А. Петрова. М., 1991.
- (1812 god. Vospominaniya voinov russkoy armii: Iz sobraniya otdela pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya / Ed. by F.A. Petrov et al. Moscow, 1991.)
- [Писаренко 1991] — *Писаренко К.А.* Секретные протоколы Сената об отмене смертной казни, 1743—1744 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. XVIII. М., 1991. С. 33—50.
- (*Pisarenko K.A.* Sekretnye protokoly Senata ob otmene smertnoy kazni, 1743—1744 gg. // Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vv.: Almanac. Vol. XVIII. Moscow, 1991. P. 33—50.)
- [Писаренко 2010] — *Писаренко К.А.* Абоский мир 1743 года // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 106—113.
- (*Pisarenko K.A.* Aboskiy mir 1743 goda // Voprosy istorii. 2010. № 3. P. 106—113.)
- [Писарькова 2012] — *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.
- (*Pisar'kova L.F.* Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoy chetverti XIX v.: Zamysly, proekty, voploshchenie. Moscow, 2012.)
- [ПСЗ 1830] — Полное собрание законов Российской империи. I / [Сост. под руководством М.М. Сперанского]. Т. I—XLV. СПб., 1830.
- (*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. I / [Ed. by M.M. Speransky].* Vol. I—XLV. Saint Petersburg, 1830.)
- [Розыские дела 1884—1893] — Розыские дела о Федоре Шахловитом и его сообщниках: В 4 т. СПб., 1884—1893.
- (*Rozyskiye dela o Fedore Shaklovitom i ego sobshchnikakh: In 4 vols.* Saint Petersburg, 1884—1893.)
- [СБРИО 1871] — Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии: Сообщено из дел Саксонского государственного архива в Дрездене, профессором Марбургского университета Э. Германом. Донесения секретаря посольства Пецольда с января 1742 г. по март 1744 г. // Сборник Русского исторического общества. 1871. Т. 6. С. 387—506.
- (*Diplomaticheskie dokumenty, odnosyashchiesya k istorii Rossii v XVIII stoletii: Soobshcheno iz del Saksonskogo gosudarstvennogo arkhiva v Drezdene, professorom Marburgskogo universiteta E. Germanom. Doneseniya sekretarya posol'stva Petsol'da s yanvara 1742 g. po mart 1744 g. // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva.* 1871. T. 6. S. 387—506.)
- [СБРИО 1872] — Письмо д'Аламберу от Императрицы Екатерины, 1765 // Сборник Русского исторического общества. 1872. Т. 10. С. 29—31.
- (*Pis'mo d'Alamberu ot Imperatritsy Ekateriny, 1765 // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva.* 1872. Vol. 10. P. 29—31.)
- [Сенатский архив 1892] — Сенатский архив. Т. 5. СПб., 1892.
- (*Senatskiy arkhiv.* Vol. 5. Saint Petersburg, 1892.)
- [Смерть политическая 1900] — Смерть политическая // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 30А. СПб., 1900. С. 523—524.
- (*Smert' politicheskaya // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona.* Vol. 30A. Saint Petersburg, 1900. P. 523—524.)
- [Соловьев 1959—1966] — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1959—1966.
- (*Solovyov S.M.* Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: In 15 vols. / Ed. by L.V. Cherepnin. Moscow, 1959—1966.)
- [Таганцев 1902] — *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. СПб., 1902.
- (*Tagantsev N.S.* Russkoe ugovolnoe pravo: Lektzii. Chast' obshchaya: In 2 vols. Saint Petersburg, 1902.)
- [Татищев 1793] — *Татищев В.Н.* Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский: В 3 ч. Ч. 3. СПб., 1793.
- (*Tatishchev V.N.* Leksikon rossiyskiy istoricheskii, geograficheskii, politicheskii i grazhdanskiy: In 3 parts. Part 3. Saint Petersburg, 1793.)
- [Титов 2002] — Хрестоматия по истории государства и права России: Учебное пособие / Сост. Ю.П. Титов. М., 2002.
- (*Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii: Uchebnoe posobie / Ed. by Yu.P. Titov.* Moscow, 2002.)

- [Шишкин 1858] — *Шишкин И.И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 5. С. 275—352.
- (*Shishkin I.I.* Sobytiya v Peterburge v 1740 i 1741 godakh // Otechestvennye zapiski. 1858. Vol. 118. № 5. P. 275—352.)
- [Щербатов, Радищев 1984] — «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева: Факсимильное издание / Вступ. ст. и коммент. Н.Я. Эйдельмана. М., 1984.
- («O povrezhdenii npravov v Rossii» knyazy M. Shcherbatova i «Puteshestvie» A. Radishcheva: Faksimil'noe izdanie / Ed. by N.Ya. Eidelman. Moscow, 1984.)
- [Ягужинский 1860] — Записка П.И. Ягужинского о состоянии России // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1860. Кн. 4. С. 269—273.
- (*Zapiska P.I. Yaguzhinskogo o sostoyanii Rossii* // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete. 1860. Vol. 4. P. 269—273.)
- [Kleff 1938] — *Kleff B. Graf Ostermann* // Bochum: Ein Heimatbuch / Hg. von B. Kleff. Bd. 4. Bochum, 1938. S. 5—41.
- [Lentin 1982] — *Lentin A.* Beccaria, Shcherbatov, and the Question of Capital Punishment in Eighteenth-century Russia // Canadian Slavonic Papers. 1982. Vol. 24. № 2. P. 128—137.